

УДК 821.161.1-1.Петрова «20»

Фокина С.А.

кандидат филологических наук, доцент, докторант
кафедра общего и славянского литературоведения
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар, 24/26, 65058, г. Одесса, Украина.
svetlana_fokina@ukr.net
orcid.org/0000-0002-2406-0978

**ПАСТОРАЛЬНЫЙ И НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ МОДУСЫ
В ПРОЦЕССЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИРИЧЕСКОГО «Я»
АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОВОЙ**

В статье предпринята попытка анализа различных проявлений пасторальной модальности в ностальгическом дискурсе. Проанализированы факторы влияния ностальгических идеологем на творческую деятельность поэтов-эмигрантов. Акцентирована пороговость сознания, отличающая психосферу эмигранта, чей семиотический статус близок путешественнику. В ходе исследования была выработана следующая гипотеза, что тяготение поэта к пасторальной тематике и стремлению обыгрывать пасторальные мотивы может способствовать введению в текст имплицитных кодов ностальгии.

Ключевые слова: ностальгия, пасторальность, Потерянный рай, авторский миф, идентификация.

Постановка проблемы. Критики признают значимость поэтического универсума А. Петровой как самобытного поэта в целом, и как яркого представителя современной русской поэтической диаспоры. А. Петрова – поэт-эмигрант и уже этот факт актуализирует значение ностальгии и авторефлексии.

Открывает поэтическую книгу Александры Петровой «Только деревья» стихотворение, начинающееся строками «Пастух вещей», фиксируя значимость для всего сборника темы пасторальности:

*Пастух вещей,
не ты ль умел глядеть
в лицо предметов затаённых?
А что теперь?
Горизонтально плачешь.
У тётки тишины растут усищи тьмы
а в дверь заглядывает мальчик
едва ль желательной красы.
Всё разбрелось теперь,
не откликается на имена,
и не собрать рожком пастушьим.*

*Послушай, Сашенька, послушник,
не лучше ли разрозненным вещам
отдать пасти себя, как прежде
нас их сам?* [5, 15]

Дух современности отличает урбанистичность жизни человека, сформированная еще на этапе зарождающейся модерной модальности, ощущение пограничности существования и утраты ориентиров, присущее переходным эпохам. Трансгрессивность, ироничность и даже разочарованность постпостмодерного мировидения нашего времени нуждаются в обретении хотя бы временной стабильности, уравновешивающей человеческое бытие. Такую моральную компенсацию в определенной степени обеспечивает тяга к природе как возможность отдохновения, реализуя идеологему пасторальности.

Сегодняшней культурной ситуации присуща двойственность рецепции пасторальности. Т. В. Саськова утверждает, что «под пасторалью в широком смысле понимается “модальность” как совокупность содержательных признаков, подразумевающих особое мироощущение, систему ценностей, идеал, тип героев» [7, 3]. Пастушеская ипостась, избранная в качестве эмблемы поэта и проявляющаяся как вариант автометаописания, эксплицирует несомненный интерес А. Петровой к пасторальной модальности. Наблюдения Я. С. Линьковой подтверждают несомненную актуальность расширения «сферы влияния и функций современной пасторали путем включения в художественный текст концепций эколитературы», делая «этот жанр открытым всем новейшим трактовкам поэтики...» [3, 273]. Осознание несомненной важности эколитературы вполне могло стимулировать интерес А. Петровой к пасторальности. Но представляется более убедительной версия потребности поэтессы найти эквивалент вдохновения, обретения подлинности и познания себя, которые в сознании А. Петровой нерасторжимо связаны с природой. Помимо внимания к теме экологии, проявлено стремление раскрыть архетипические коннотации пастушеской роли, неоднократно мифологически приписываемой поэту. Уже название сборника «Только деревья» задает темы природы, экологии и обыгрывает образ мирового древа.

В образе деревьев прочитывается интертекстуальная отсылка непосредственно к циклу М. Цветаевой «Деревья», а шире – диалог со всем цветаевским творчеством. Как известно, тема деревьев была важна и излюблена М. Цветаевой. Цветаевский интерес к природе эксплицировал не только приоритеты художественной идеологии, но и свидетельствовал о важных изменениях мировосприятия художником слова и человеком. Так по убежденности И. Шевеленко, в период создания цикла «Деревья» (1922) для М. Цветаевой «единственным достойным “другим” <...> является природа. <...> Природа – воплощение мира бессмертья на земле, творение той же силы, что руководит и поэтом. Потому для поэта именно в природе лежит истинный и исконный оплот, вечное обещание духовной защиты» [14, 243]. В подтверждение высказанной

мысли исследовательница приводит цветаевское стихотворение «В смертных изуверьях...», в котором помимо излюбленных тем и мотивов М. Цветаевой: сиротства, одиночества, устремленности ввысь, обыгрываются смысловые комплексы разочарованности в людях, невозможности любви («*Зачароваться не тцусь*»), ощущения родства и духовного единства с природой («*Ввысь, где рябина / Краше Давида-Царя! / В вереск-седины, / В вереск сухие моря!*»). Не менее показательно известное цветаевское высказывание: «В чем же отличие произведения искусства от произведения природы, поэмы от дерева? Ни в чем» [13, 24]. Такой интертекстуальный подстрочник способствует рассмотрению заглавного образа третьей поэтической книги А. Петровой как осуществления диалога не только с природой, но и наследием М. Цветаевой. Интерес А. Петровой к метатеме природы и в соответствии с этим, не в меньшей степени, пасторальности, становится не только показателем современной усталости жителя мегаполиса, но и знаком переосмысления цветаевской традиции. Для А. Петровой показательно стремление соотносить творческие искания с природными мотивами, что на уровне подтекста можно прочитывать как маркер ностальгии.

В контексте взаимосвязи эколитературы и пасторальности Н. Пахсарьян отмечает явное стремление эстетико-философского универсума «противостоять прогрессирующему разрушению естественного ландшафта» [4, 174]. По наблюдению исследовательницы, нынешнее время не пасторально по своему духу – это эпоха «путешественников, людей, не сидящих на месте и не замыкающихся в одном тесном пространстве дома» [4, 185]. Невозможна фиксация на одном идеализированном объекте, приравниваемом мифологической Аркадии, но в то же время, несомненно, возрастает потребность в обретении некоего эквивалента Потерянного Рая.

Фактор ностальгирования в целом, как и включение поэтом-эмигрантом в качестве альтернативы пограничности сознания пасторальных мотивов и символов в свой лирический дискурс, становится индикатором значимости, даже латентной и до конца неосознанной, утраченных корней и ощущения невозможности новой укорененности.

Восприятие эмигрантом объекта его ностальгии предполагает спектр чувств, координируемых представлениями о «рае» и «аде», что сближает ностальгию не только с пасторальными коннотациями, но шире и с эротическими. По слову Л. Бугаевой, возможность иного взгляда «на себя глазами другого» позволяет «открыть для себя некую реальность, недоступную в пространстве родного дома» [1, 192] и создать на основании увиденного «мифологический образ земного “рая” или “ада”» [1, 192]. Ракурс взгляда того, кто погружен в ностальгию, акцентирует модификацию реальности воображением.

Такая замена реальности мифологизированными моделями мировосприятия актуализирует стремление ностальгика модифицировать ситуацию собственной психологической и экзистенциальной пограничности.

С точки зрения Н. Сподарец, для типа модернистского сознания «концепт *трансгрессия* стал базовым», включая в ментальную парадигму образ «человека в поисках своей идентичности» [9, 231]. При различных модификациях сегодняшняя культурная эпоха не утрачивает связи с модусом модерности как своего рода архетипом современного и урбанистического мировосприятия. В то же время именно коды пасторальности уравнивают своего рода надлом модерности. Так и затрудненность идентификации личности поэта-эмигранта в современном мире компенсируется авторефлексивностью сознания. В случае А. Петровой подобная авторефлексивность представляется повышенной, а тема деревьев задает образ корней, что значимо для поэта-эмигранта и становится как кодом ностальгирования, так и пасторальности.

Для современных поэтов-эмигрантов мифологема «потерянного Рая» неизменно взаимосвязана с режимом ностальгирования. Идентификационные стратегии сознания актуализируют для ностальгика вариации сюжета «изгнания из Рая», высвечивая явные пасторальные коннотации. С точки зрения А. Гринштейна образ «Потерянного рая» образует смысловую парадигму, где «различные проявления этого метатопоса (Золотой век, Потерянный рай, Остров блаженных, Аркадия и т. д.) выступают в тексте как формы осуществления разных модальностей в рамках одного модуса...» [2, 161]. Для лирики А. Петровой в целом, так и в стихотворении «Пастух вещей...», показательное стремление избегать прямого использования вышеназванного метатопоса. Если образ Аркадии и присутствует, то только в подтексте. Для поэтессы характерно обыгрывать скорее тему утраты, чем стремления вернуться в утраченный Эдем. Включения А. Петровой данного метатопоса в авторский миф связано со смысловыми комплексами: природа, экология и пасторальность, зачастую обыгрывающие темы радости и попытки обретения гармонии.

Маркеры пасторальности в творчестве поэтов-эмигрантов становятся идентификаторами ностальгии. Такая особенность поэтики присуща А. Петровой, живущей ныне в Италии и эксплицирующей попытку ухода от позиции ностальгика и стратегий идентификации. С. Сандлер, в рецензии на книгу «Только деревья» подчеркивает, что «пастушеский мотив нередок в новейших стихах Петровой, не говоря уже о философской оперетте “Пастухи Долли”» [6, 10]. Обыгрывание пасторальных реминисценций в лирическом дискурсе поэтессы становится скрытым указанием факта ностальгирования. Образ «пастуха вещей» помимо пасторальности акцентирует внимание на семиотическом аспекте номинации. Такой ракурс согласно логике авторского мифа А. Петровой, усваивающей традицию и в то же время ее и разрушающей, соотносим с метафорической миссией поэта.

Корреляция в авторском мифе А. Петровой пасторальных мотивов с темой вещей в игровом ключе возвращает к архетипическим представлениям, наделяющим поэта пастушеской функцией, умением завораживать живые существа и вещи, правом давать им имена. Такой смысловой спектр активизирует

мифологеми не только Адама, но и Орфея, Давида и других персоналий античных и библейских, связанных как с пастушеской ролью, так и с функцией наречения. Адамов дар – возможность давать имена, подразумевает, что имя определяет сущность называемого предмета или субъекта, наделяя его собственным значением и определенной судьбой в мире, а в создаваемой поэтом смысловой парадигме поэтического универсума местом и своим «сюжетом». Но как верно замечает С. Сандлер касательно отказа поэтессы от наименований своих стихотворений, входящих в третью поэтическую книгу, «Петрова отказывается быть самозванным Адамом», ведь «нарекать – значит устанавливать идентичность, а Петрова описывает мир, где всё изменчиво» [6, 6]. Изменчивость и смутная загадочность мира, зыбкость ранее константных основ, ощущение надлома, пороговости существования с одной стороны и тайное желание обрести некий утерянный рай, эквивалентами которого могут быть дом, память, мечта, визия, ностальгия – с другой, становятся своего рода координатами, центрирующими лирический сюжет А. Петровой.

Отказ А. Петровой от идентификации показателен как для переходной эпохи, так и для статуса поэта-эмигранта. По наблюдению Н. Хренова, «изменчивость вещей в историческом времени мешает их идентифицировать» [12, 232], а присущее переходным эпохам и типам сознания стремление к ментальному отстранению от «исторического времени с его текучестью, изменчивостью и непредсказуемостью одновременно означает актуализацию мифологического времени как основу актуализации архетипов» [12, 233]. Для лирического дискурса А. Петровой показательна высокая степень архетипичности, что соответствует ее стремлению включать в свой авторский миф мифологеми двойничества, близнечности, метаморфоз и трансформаций как макрокосма – мира вокруг, так и микрокосма – образа лирического «я».

Следует отметить, что «в лирическом дискурсе А. Петровой мифологические и литературные маски необходимы для идентификации» [11, 165]. Такой маской в анализируемом стихотворении предстает образ «пастуха вещей». Если обратиться непосредственно к поэтическому тексту А. Петровой «Пастух вещей...», то помимо пасторальной мифологии, обнажаются основы авторского мифа поэтессы, апеллирующие как к скрытому ностальгическому чувству, так и к собственной идентификации: как поэта, в локальном плане, и в рамках гендера.

Авторская стратегия А. Петровой позволяет идентифицировать образ «пастуха вещей» не только как эвфемизм поэта и вариант автометаописания, но и в контексте различных мифологических, литературных и культурных реминисценций. Образная система лирического сюжета А. Петровой соответствует обозначенной Т. В. Саськовой «органичности сказочно-пасторальных сплавов» [7, 4]. Гендерное распределение ролей поэтессой в анализируемом поэтическом тексте выстраивается по некой сказочной модели. Показательно авторское стремление периодически представлять лирическое «я» в мужском роде,

а в анализируемом стихотворении в роли мальчика, чему способствует имя А. Петровой – Александра («*Послушай, Сашенька, послушник*»). Если женская составляющая в сюжете предстает как воплощение демонического начала, нивелирования женственности и огрубения («*У тётки тишины растут усищи тьмы*»), то мужская ипостась соотносится с юностью, красотой, воплощением идеала и активизирует мифологему Ганимеда («*а в дверь заглядывает мальчик / едва ль желательной красы*»). Юный Ганимед «пас отцовские стада на склонах Иды, был похищен Зевсом <...> и унесен на Олимп» [10, 141], стал воплощением мужской прелести и неоднозначности судьбы. Из-за влюбленности в него Зевса Ганимед реализует идею избранности. При этом благосклонность Громовержца проявилась неоднозначно: в похищении юноши и даруемой ему награде – чести стать виночерпием на пирах богов. Включение ганимедова сюжета в текст А. Петровой обыгрывает и тему легендарной красоты мифологического героя, и его пастушескую ипостась. В семиотическом плане явны не только избраннические коннотации ганимедовой роли, но и пассивные – быть объектом страсти, благоговейным прислужником, игрушкой в руках рока, что в определенной степени присуще и тому, кто предается ностальгии.

В образе, созданном А. Петровой, можно выделить мифологический пласт, связанный и с орфическим комплексом. Согласно наблюдениям Л. Силард, «ядро мифологемы Орфея в религии орфиков включает символику очищения и восхождения» [8, 68]. Идентификация «пастуха вещей» как ипостаси Орфея и совмещение с ганимедовой мифологемой усиливает мотив вознесения – вариацию творческого прорыва. Обыгрывание поэтессой трансгрессивности сознания, активируемые мифологемой Орфея, направлено и на отражение противоречивой, во многом амбивалентной природы современного поэта-эмигранта.

Орфей представляется объектом трансформаций и метаморфоз и в то же время подобно ностальгику обладает некоей константностью заданного сюжета. Помимо отсылки к мифу об Орфее, скрытой в стихотворении А. Петровой «Пастух вещей...», показательна и потенциальная гендерная идентификация лирического «я» с распределением исполнителей в опере К. В. Глюка «Орфей и Эвридика». Известно, что партия Орфея в глюковской опере имеет три варианта исполнения для разных голосов. Первоначальный вариант был написан для контртенора, позже К. В. Глюк переписал партию для исполнения тенором, а уже в XIX веке Г. Берлиоз создал вариант для исполнения партии Орфея меццо-сопрано. Такой аспект орфического начала подразумевает активизацию гендерных перекодировок, что весьма привлекательно для авторского мифа А. Петровой.

Умение поэта «*глядеть / в лицо предметов затаённых*» в соотношении с орфической темой обыгрывает мотивы не только постижения сути вещей и Адамова дара давать имена, но и предстает как медиация, становящаяся истинным источником вдохновения, познания окружающей реальности, а главное себя в мире и мира в себе.

Список использованной литературы

1. Бугаева Л. Д. Литература и *rite de passage*. Санкт-Петербург: Петрополис, 2010. 408 с.
2. Гринштейн А. Л. Потерять нельзя найти: пасторальная и идиллическая топика в романе П. Акройда «Мильтон в Америке». *Многоликая пастораль: современные проблемы изучения*. Москва: Академия им. Моймонида, 2018. С. 161–170.
3. Линкова Я. С. Научные трактовки метажанра пасторали 2000-х годов. *Человек: образ и сущность*. 2011. Вып. 1 (22) : *Современный человек: Движение к пасторали?* С. 263–273.
4. Пахсарьян Н. Т. Пасторальное отшельничество как выбор современного парижанина: роман Ж.-М. Шеврье «Далекая Аркадия». *Человек: образ и сущность*. 2011. Вып. 1 (22) : *Современный человек: Движение к пасторали?* С. 170–187.
5. Петрова А. Только деревья. Третья книга стихов / [предисловие С. Сандлер]. Москва: НЛЮ, 2008. 62 с.
6. Сандлер С. Поэт как перемещенное лицо: предисловие. *Только деревья*. Москва: НЛЮ, 2008. С. 5–12.
7. Саськова Т. В. Пастораль в русской литературе XVII – первой трети XIX века: автореф. дис. на соискание уч. степени док. филол. наук. Москва, 2000. 42 с.
8. Силард Л. «Орфей растерзанный» и наследие орфизма. *Герметизм и герменевтика*. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 328 с.
9. Сподарец Н. В. Модернизм Серебряного века: литературоведческая идентификация. Одесса : Астропринт, 2017. 452 с.
10. Тахо-Годи А. Ганимед. *Мифология. Большой энциклопедический словарь*. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 141.
11. Фокина С. А. Ностальгия в авторском мифе поэта-эмигранта Александры Петровой *Вчені записки таврійського національного університету імені В. І. Вернадського*. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Т. 30 (69). № 42019. Ч. 1. 2019. С. 161–166.
12. Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса. Москва: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
13. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Кн. 2.: Статьи; Эссе / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. Москва: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. 400 с.
14. Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. Москва: НЛЮ, 2002. 464 с.

Фокина С.О.

Одесский национальный университет ім. І. І. Мечникова
Кафедра загального та слов'янського літературознавства
svetlana_fokina@ukr.net

ПАСТОРАЛЬНИЙ ТА НОСТАЛЬГІЧНИЙ МОДУСИ В ПРОЦЕСІ ІДЕНТИФІКАЦІЇ ЛІРИЧНОГО «Я» ОЛЕКСАНДРИ ПЕТРОВОЇ

У статті зроблено спробу аналізу різних проявів пасторальної модальності у ностальгійному дискурсі. Проаналізовані фактори впливу ностальгійних ідеологем на творчу діяльність поетів-емігрантів. Акцентовано пороговий характер свідомості, що притаманна психосфері емігранта, чий семіотичний статус є близьким мандрівникові. В ході дослідження була вироблена гіпотеза, що тяжіння поета до пасторальної тематики та прагнення інтерпретувати пасторальні мотиви може сприяти введенню до тексту імпліцитних кодів ностальгії.

Ключові слова: ностальгія, пасторальність, Втрачений рай, автометаоніс, авторський міф, ідентифікація.

Fokina S.A.

Odessa I. I. Mechnikov National University,
Department of General and Slavic Literary Criticism
svetlana_fokina@ukr.net

PASTORAL AND NOSTALGIC MODUS IN THE PROCESS OF IDENTIFYING LYRIC "EGO" OF ALEXANDRA PETROVA

The article attempts to analyze the various manifestations of pastoral modality in nostalgic discourse. The influence factors are analyzed of nostalgic ideologues on the creative activity of emigrant poets. The threshold of consciousness is emphasized that distinguishes the psychosphere of an emigrant whose semiotic status is close to a traveler. During the study was developed the following hypothesis that the poet's attraction to pastoral themes and the desire to beat pastoral motives can contribute to the introduction of implicit codes of nostalgia in the text.

The expression of the author's consciousness is considered directly within the limits given by the study on the example of the lyrical plot of the modern poetess Alexandra Petrova, who now lives in Italy. The poem «Shepherd of Things...» is chosen as illustrative material. The reflection of the lyrical plot of A. Petrova allowed to interpret strategies of mythologization of nostalgic discourse. The variability has been identified inherent in idealized objects and chronotopes included in the semantic field, modeled by the imagination of nostalgia. Mechanisms of demonstrated refusal been traced to search for identity and at the same time identification strategies inherent in the poetic manner of A. Petrova. Interdiscursive marking has been analyzed of the image of the "shepherd of things" in relation to pastoral-mythological models. The study revealed the sense load of pastoral motifs and their relationship at the level of subtext with ganymedean and orphic hypostases of the lyrical "I". The conclusion is made about the high degree of archetypity of the A. Petrova's figurative system, which is caused both by the existential modality of the transition era, and by the attitudes of the author's myth of the poet.

Keywords: nostalgia, pastorality, Paradise Lost, self-description, author's myth, identification.

References

1. Bojm S. (2019) *Budushhee nostalg'gii* [The future of nostalgia]. Moscow: NLO.
2. Bugaeva L. D. (2010) *Literatura i rite de passage* [Literature and rite de passage]. St. Petersburg: Petropolis.
3. Grinshtejn A. L. (2018) *Poterjat' nel'zja najti: pastoral'naja i idillicheskaja topika v romane P. Ackroyd's "Milton in America"* [The Loss Cannot Be Found: The Pastoral and Idyllic Topics in P. Ackroyd's novel "Milton in America"] *Mnogolikaja pastoral': sovremennye problemy izuchenija* [The Multi-Faceted Pastoral: Modern Problems of Study]. Moscow: Moimonid Academy. pp. 161–170.

4. Lin'kova Ja. S. (2011) Nauchnye traktovki metazhanra pastorali 2000-h godov Chelovek: obraz i sushhnost' [Scientific interpretations of the pastoly of the 2000s Man: image and essence] *Modern man: The movement to pastoralism?* no. 1 (22). pp. 263–273.
5. Pahsar'jan N. T. (2011) Pastoral'noe otshel'nichestvo kak vybor sovremennogo parizhanina: roman Zh.-M. Shevr'e «Dalekaja Arkadija» [Pastoral Hermit as a Choice of Modern Parisian: Novel by J.-M. Chevrier "The Distant Arcadia"] *Man: Image and Essence*. no. 1 (22): *Modern man: The movement to pastoralism?* pp. 170–187.
6. Petrova A. (2007) *Tol'ko derev'ja* [Only trees]. Moscow: NLO.
7. Sandler S. (2007) Pojet kak peremeshhennoe lico: predislovie [Poet as Displaced Person: Foreword]. *Tol'ko derev'ja* [Only trees]. Moscow: NLO. pp. 5
8. Sas'kova T. V. (2000) Pastoral' v russkoj literature XVII – pervoj treti XIX veka [Pastoral in Russian literature of the XVII – the first third of the XIX century]: avtoref. dis. na soiskanie uch. stepeni dok. filol. nauk. Moscow.
9. Silard L. (2002) «Orfej rasterzannyj» i nasledie orfizma ["Orpheus torn apart" and the legacy of orphism]. *Germetizm i germenevtika* [Hermeticism and hermeneutics]. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaha.
10. Spodarec N. V. (2017) *Modernizm Serebrjanogo veka: literaturovedcheskaja identifikacija* [Modernism of the Silver Age: literary identification]. Odessa: Astroprint.
11. Taho-Godi A. (1998) Ganimed [Ganymede]. *Mifologija. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'*. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. pp. 141.
12. Fokina S. A. (2019) Nostal'gija v avtorskom mife pojeta-jemigranta Aleksandry Petrovoj [Nostalgia in the author's myth by the poet emigrant Aleksandra Petrova] *Scientists of notes of Tavrichesky National University named after V. I. Vernadsky*. Series: Philology. Social komknikation. vol. 30 (69). № 42019. P. 1. pp. 161–166.
13. Hrenov N. A. (2002) *Kul'tura v jepohu social'nogo haosa* [Culture during an era of social chaos]. Moscow: Editorial URSS.
14. Cvetaeva M. (1997) *Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 5. Kn. 2.: Stat'i; Jesse; Perevody* [Collection of works in 7 vol. Vol. 5. P. 2.: Articles; Essay; Translations] Moscow: TERRA.
15. Shevelenko I. (2002) Literaturnyj put' Cvetaevoj: Ideologija – pojetika – identichnost' avtora v kontekste jepohi [The Literary Way of Tsvetaeva: Ideology – Poetry – Identity of the author in the context of the era]. Moscow: NLO.

Статтю подано до редколегії 20 вересня 2020 р.